

«Слышен шум ее крыльев»

Правда, 1985, 7 апр. № 7.

ПИСЬМА С ВОЙНЫ

Известный советский писатель Всеволод Вишневский — автор «Первой Конной», «Оптимистической трагедии», «Мы из Кронштадта», начал свою военную и писательскую биографию в четырнадцать лет. И с тех пор всю жизнь был «мобилизованным и призванным». «Правда» публикует выдержки из его фронтowych писем к литератору Марии Ангарской, относящиеся к 1944 году.

УТРО 16 ИЮНЯ 1944 ГОДА
Ленинград

Сейчас половина седьмого утра. Через полчаса еду на Карельский перешеек, так как ночью пришли две телефотограммы от П. Н. Поспелова (редактора «Правды» — М. А.). Все последние дни был в Кронштадте. «Прошелся» над морем. Столько хочется рассказать о Кронштадте, о замечательных встречах с родными балтийцами...

Шлю вам свой очерк... Это по пути наброски для моей 2-й серии «Мы из Кронштадта». Плав и замысел гораздо шире: суть — современная война, морская сила России, идея Гитлера слить Россию морей, удушить в болотах и лесах, борьба 1942—1944 гг., перипетии борьбы на Балтике, в Ленинграде, люди, их души, их вера, беспредельное мужество. Как я горжусь вашими моряками, как люблю их.

ДНЕМ 21 ИЮНЯ
Выборг

Все время в походе, в тучах серо-желтой пыли, без сна, ел урывками... Свои корреспонденции в «Правду» пишу на ходу, одну — на шоссе, на перилах взорванного моста, другую — перед штурмом Выборга. Машину нашу разбомбили... Шел по шоссе недалеко от Выборга, а через десять минут на этом же месте — взрыв, — искалечило генерал-майора А. и его шофера... Судьба!

Леса, валуны, мох... Сурово, красиво кругом... Иногда на 10—15 минут впоительная тишина, зной, густой смолистый запах. Цветет северная сирень — и я иду пятиконечные сиреневые цветочки на счастье.

Очень устал, но весь на нерве, на подъеме. Встретился с Симоновым, дружески обнялись и вместе действовали.

...Полк за полком идут на Выборг. Машин в два ряда, и отблеск пожаров на шлемах бойцов. А кругом все грохочет, где-то близко рвутся снаряды противника. Бойцы окружили нас с Симоновым, забросали вопросы об обстановке. Накоротке объяснили, что могли... Народ молодой, крепкий. Усталость бойцов компенсируется возбуждением — враг разбит. Вступали в город на закате, в ночь на 21/VI...

Насмотрелся очень многого. Мы ведь ликвидировали 4 линии вражеских укреплений. Препятствия были очень серьезные, во напор войск необыкновенный. Шел с песнями, сирень на штыках, усталость,

шутки... Нам, ленинградцам, первым была оказана честь ударить по врагу в битве за Выборг!

23 ИЮНЯ
Ленинград

...Вернулся, как раз три года войны.

Пишу в своей ленинградской комнате, умытый, побритый, трофейными чернилами на трофейной бумаге. В комнате моей странно тихо... А в ушах еще гул, лязг, взрывы, крики, ветер...

...Размышляю я вот над чем: мы, писатели, в 1941—1942 годах дали народу чудовищный заряд ненависти к врагу. Но мы — передовики, и в нас есть уже гуманистическое предощущение. Я проверил себя: у меня не было физической злобы. Я не хотел убивать солдат противника. Больше того, я видел в этих усталых солдатах жертвы войны, трагические объекты. Что они знают? Жилистые,

то глубоким, суровым и нежным. Нахлынуло так много мыслей, ощущений, воспоминаний. Огромная панорама, вся в серых тонах. Вода бурая, холодная.

Кронштадт, слитый с морем, приземистый, упорный.

Напряжение борьбы на Балтийском море повышается. Мы деремся тут за Россию, за Ленинград, за все, что нам дорого. Катер товарища Авраменко за день сделал пятнадцать высадок десантных групп. Атакованный восемью самолетами катер был подбит. На нем вспыхнул пожар. Враг бил термитными пулями. На матросах начала гореть одежда, катер имел уже 70 пробоин. Лежали раненые. Катер продолжал действовать. Начался 9-балльный шторм. В строю на катере осталось всего три человека, и они продолжали борьбу и со стихией, и с противником, стрелявшим из-за гранитных скал.

Катер выполнил поставленную задачу, он не ушел с места боя и последними своими выстрелами сумел выбить врагов.

Сейчас в боях действуют десятки и сотни торпедных катеров «охотников», кораблей специального назначения. Трудно сказать — кому отдать пальму первенства, но торпедные катера заслужили большую похвалу. Мне хотелось

гам!» Пулемет юнги в упор стал бить по ближайшим фашистским катерам... Юнга был убит ответным огнем. Стрельбу продолжали другие. Катер огрызался упорно. Наконец, на горизонте показались наши «охотники». Они выручили катер, который все еще продолжал стрелять с развевающимся флагом...

Пишу для сборника об обороне Таллина. Трехлетие нашего прорыва из плотного кольца окружения. Мои дневники пригодились. Восстанавливаю десятки и сотни деталей. Как эволюционировала война, все мы! 1941 год — уже история... Перечитываю свои записки, и снова охватывает чувство гордости и восторга: какой замечательный, достойный, твердый наш народ!

Темпы события стремительны: в Белоруссии немцам устроено буквально погром... Когда дойдет это письмо, операции развернутся еще шире. Восхищают сила и методика ударов. Как будто по очереди включаются рубильники на некоей гигантской центральной электростанции.

Встречал сегодня зарю над морем. Миллиарды лучей брызнули с востока, слепя глаза. Тишина сказочная. Вот так придет День Победы и мира!

12 ИЮЛЯ
Кронштадт

Авангарды Красной Армии идут к берегам Балтики — за Шяуляй, на Тильзит, Палангу. Сегодня проверю свою машину для рейсов на сотни километров.

...Смотрел с тайным волнением, как красят дома в Кронштадте. Нежные, белые, желтые, розовые краски ложились на фасады стильных, старых домов. Первые малярные работы на 4-м году войны! Красили девушки. Это было символично — первые шаги будущего.

Наша воля и сила позволили далеко отодвинуть войну от Кронштадта. Бьем врага за Выборгом и дальше. И тут же за восстановление, за труд, за воскрешение красоты. Хорошо!

Мне хочется сделать очень много, всю уймащу своих впечатлений, опыта — дать народу с предельной силой, с любовью к России, которой я переполнен!

Победа все ближе, слышен шум ее крыльев, видно сияние ее лика. Она чудесней летящей Никэ! Все ближе счастье! Скоро, очень скоро, мы встретим Победу, встретим ее навсегда!

1944 г. В освобожденном Выборге встретились Всеволод Вишневский и сын писателя Бориса Лавреница старший лейтенант Юрий Лавренис.

Фото М. Редькина.

(Снимок прислан в редакцию Л. Берндзе).

трудолюбивые руки, обкуренные трубки... Сидят у канавы и все рассказывают. Зачем же их убивать? Достаточно, что мы им поворачиваем души, сознание.

В силу своего большого опыта я пропитан человеческим отношением к людям. И конец войны, мир будет означенован не истреблением, не призывом: «Убей!» А мудрым практицизмом и гуманностью. Определенных фашистов будем судить... Но в целом проблема должна быть решена с учетом будущих десятилетий. К этому выводу я пришел твердо!

27 ИЮНЯ 7 ЧАСОВ ВЕЧЕРА
Кронштадт

Три дня в Кронштадте, по-прежнему родимой старинной, чем-

рассказать о том, как ведут себя в боях наши юнги. Это отчаянная флотская молодежь, получающая сейчас редкую житейскую, военную закалку.

Один наш катер вступил в бой с шестью вражескими. Катер в неравной схватке потерял ход, управление. Он беспомощно качался на волнах. Как стаи голодных волков, враги стали окружать катер, стреляя и выкрикивая: «Рус, сдавайся!»

Команда и юнги катера молча готовились к последнему бою. Юнга Рэм Федоров в клубах дыма исправлял подбитый пулемет. И вот с окруженного катера прозвенел юношеский голос: «Русские не сдаются! Получайте по заслу-